

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Хвостов
Купальщица

Александр Владимирович Хвостов

Купальщица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63095506

SelfPub; 2023

Аннотация

Однажды жарким летним днём на диком пляже встретились мужчина и женщина средних лет. Он холост, работает автомехаником, а по натуре – художник, она в разводе, имеет сына-студента, работает психологом. Они понравились друг другу, начали встречаться и между ними начинается роман... Текст содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	13
3	15
4	17
5	22
6	28
7	32
8	35
9	37
10	40

Александр Хвостов

Купальщица

1

Как назвать это моё приключение? Да можно и романом. Или лучше пляжным романом, потому что он начался на нашем нудиском пляже в прошлом году, и продолжается по сей день. Был выходной и я решил поехать на пляж – поваляться голяком, что люблю давно, отдохнуть, а заодно посмотреть, какие новые люди сюда пожалуют. И в этот раз я не ошибся. В то воскресенье на пляж, где всегда яблоку негде упасть, пришла женщина лет так сорока, рыжая, высокая и вполне обаятельная. На ней тогда было лёгкое полосатое платье с открытыми плечами. Отыскав себе место недалеко от меня, незнакомка постелила полотенце и стала раздеваться. Я обратил внимание, что она это делает весьма спокойно и уверенно – «Видать, нудистка с опытом. И большим!» – подумал я и быстро извлёк из своей походной сумки книгу, которую раскрыл для конспирации.

Я смотрел поверх книги на её обнажённое тело, как ребёнок на наряженную ёлку. Круглые плечи, пышная грудь, подтянутые фигура, ноги и ягодицы привлекали меня и воз-

буждали моё воображение. Всё было в ней сделано для того, чтобы попасть на картину художника!..

Раздевшись, незнакомка сперва слегка размялась, проделав наклоны вперёд и в стороны, выполнив повороты туловища влево и вправо, покрутив плечами туда-сюда и сделав растяжку, а после пошла купаться. Да уж, выглядела эта разминка весьма эффектно! Однако ж не менее эффектной была картина с купанием. Я любовался её грацией во время плавания! Её движения были легки и спокойны. Руки опускались в воду так плавно, что, кажется, будто они гладят воду; ныряла незнакомка тоже легко, почти не поднимая брызг; да и вообще все её движения были похожи на весьма загадочный подводный танец.

Я глядел на купальщицу, чертовски жалея о том, что не умею плавать: воды боюсь, как кошка – и потому моей смелости хватает лишь на то, чтобы войти, обтереться и выйти прочь.

Накупавшись, незнакомка вышла на берег, вытерлась и легла, закрыв глаза. Я какое-то время ещё маленько посмотрел на неё, как бы взвесив: «не пошлёт ли она меня подальше, если я рискну с ней познакомиться, а заодно и нарисовать её?» Решившись, я достал альбом с карандашом и направился к женщине.

– Здравствуйте! – сказал я осторожно.

– Здравствуйте! – ответила незнакомка, открыв глаза и приветливо улыбнувшись. – Чем могу помочь?

– Как вам сказать... – замялся я. – В общем, я хотел бы с вами познакомиться, а заодно, если можно, и нарисовать вас.

– Насчёт того, чтобы познакомиться, – я не против, – ответила, также улыбаясь, купальщица. – А почему вы хотите нарисовать именно меня?

– Просто вы мне очень понравились, – ответил я, недолго думая и тоже улыбнувшись моей возможной подруге и модели.

– Что ж, это уважительная причина, – иронично согласилась моя собеседница. – Давайте познакомимся! Меня Лариса зовут. Можно просто Лара и на «ты».

– А меня Антон, – сказал я. – Можно тоже на «ты». Ну, как, можно тебя нарисовать?

– Конечно! – сказала Лариса.

– Только ты ляг, как лежала, и помолчи немного, пожалуйста! – попросил я.

– Хорошо! – сказала Лариса и легла снова на спину, закрыв глаза.

Настала тишина, спокойная, как вода реки. Не скрою: рисуя Ларису, я с неописуемым бесстыдством рассматривал её тело с головы до ног, точно или вовсе не видел обнажённого тела женщины, или, вернувшись из долгого и далёкого похо-

да, где до того заскучаешь по своей любимой, по её губам, глазам и так далее, я захотел послать к чёрту все приличия и рассматривать её, целовать, а то и трогать её тело в любом его месте, где мне захочется, без зазрения совести. Да, вот так я смотрел на Ларису; я буквально касался взглядом её милого лица, гибкой шеи, круглых плеч и груди... Господи, прости меня, грешного, но как же мне было хорошо и даже тепло в этот момент!

– Ну, вот и готово! – объявил я, закончив портрет и обратив его к Ларисе.

– Шикарно! – воскликнула Лариса. – Ей-богу, просто здорово!

– Спасибо, – сдержанно улыбаясь, сказал я. – Рад, что тебе понравилось.

– Где ты рисовать учился? – спросила Лариса, разглядывая портрет.

– Да нигде, – ответил я. – Я сам понемногу научился. Сперва рисовал домики, собак, кошек, затем натюрморты рисовал, а, набив руку, потихоньку перешёл к портрету. Да и то, по началу, рисовал лица, а попозже стал пробовать изображать тело человека. А почему я рисую голое тело? Да потому что в этом случае лучше всего видишь то, как человек

сложён – и, исходя предлагаемого вида, понимаешь, как подойти к работе. Да и, наконец, я склонен думать, что художники, писавшие обнажённую натуру, желали подчеркнуть природную красоту человека, которой одарил его Всевышний.

– А сюда приходишь за новым материалом, – иронично заметила Лариса.

– И за материалом, и просто так отдохнуть, – ответил я.

– Любишь нудизм? – спросила Лариса.

– Да, люблю позволить себе побыть немного в естественном виде, – сказал я. – Два года назад дерзнул сюда приехать – понравилось...

– А что тебе именно тут понравилось и что тебя сюда привело? – спросила Лариса.

– Пари с друзьями, – сказал я, смеясь. – Я поспорил, что смогу придти на голый пляж, раздеться и пробыть тут хотя бы часа два. Итог – меня теперь отсюда пряником не выманишь. А понравилось мне тут больше всего поведение людей. Никто в тебя пальцем не тычет, что у тебя, допустим, что-то не так, не хамит, не обзывается...

Лариса с улыбкой покачала головой.

– А на что спорили? – спросила она.

– Да какая разница, – сказал я.

– А и то верно! – сказала Лариса. – А мне мама позволяла всегда купаться голышом. Я помню, летом мы на двух велосипедах могли укатить куда-нибудь в лес, найти там опушку с речкой, раздеться и загорать да купаться, сколько влезет. Или на даче в пруду барахтаемся... То есть, барахтались.

– А что, теперь нет этой дачи? – осторожно спросил я, видя погрузневший взгляд Ларисы.

– И дачи нет, и мамы, – сказала Лариса. – Дача сгорела, а мама, не выдержав этого горя, умерла. И отныне я одна хожу купаться: у сына моего другие интересы и занятия, к тому же он учится в университете; а подружек, которые бы разделяли моё увлечение, у меня тоже нет.

– Прости! – тихо сказал я.

– Ничего страшного! – сказала Лариса и тут же предложила. – Окунёмся?

– Ты иди, а я оботрусь, – сказал я.

– А что так? – спросила Лариса.

– Я плавать не умею, – сказал я, сторая от стыда за это.

– А хочешь, я покажу тебе, как плавать, – предложила Лариса. – Хочешь?

– Я воды боюсь, – сказал я.

– Не бойся! – сказала Лариса, и тут в её взгляде и голосе появилось что-то волшебное или, лучше сказать, магическое. – Я буду рядом. Пойдём со мной!

На последних своих словах Лариса протянула мне руку и улыбнулась. Я готов был пойти за этой женщиной не то что в реку, а к чёрту в лапы, до того она мне и понравилась, и... полюбилась.

Мы вошли в воду, и Лариса стала мне методично говорить, что и как делать. При этом она не командовала, а говорила тем же магически-мягким голосом, каким она звала меня купаться. И, видно, отчасти под влиянием этой магии, отчасти под влиянием магии очарования Ларисы, я де-

лал всё, что было нужно. Мы решили начать с плавания на спине. Признаюсь, сначала было страшно и я реально боялся утонуть; однако я по совету Ларисы вспомнил один из законов физики – а именно, что вода покроет моё тело на столько, на сколько оно, тело, её вытеснит. С минуту я просто лежал на воде (привыкал к ней); потом потихоньку стал работать руками... Войдя слегка во вкус, я как-то забыл про свои страхи, будто их и не было. Наконец мы вышли из воды.

– Как ощущение? – спросила Лариса.

– Хорошо, – сказал я. – Но есть лёгкая усталость.

– Это ничего, пройдёт! – сказала Лариса. – А вообще понравилось?

– Ещё бы! – воскликнул я.

Запикал мобильник – Лариса ответила, и выражение лица её резко поменялось с весёлого на не очень.

– Прости, мне надо уехать, – сказала Лариса.

– Дела? – спросил я.

– Да уж! – грустно улыбаясь, ответила Лариса.

– А мы ещё увидимся? – спросил я.

– Я не против, – сказала Лариса, и дала мне номер своего телефона. – Если заскучаешь – звони! Спасибо за портрет.

– А тебе за урок, – сказал я, и мы расстались.

Лариса ушла. Я, проводив её взглядом, слегка загрустил. Это первая моя встреча с женщиной с того дня, когда от меня ушла моя бывшая подруга, и первое расставание. Да, не надолго, но расставание. А мне очень не хотелось с ней расставаться... Однако, грусти – не грусти, а надо было тоже собраться восвояси.

2

Вероятно, кто-то из читателей, прочтя эти строки, вытаращит глаза от удивления, что Лариса – моя первая женщина. Я – не отшельник; у меня и до Ларисы в разное время моей жизни были романы с девушками и женщинами, начиная со студенческой скамьи... Помню, я с одной даже зажить хотел, замуж позвал, хотели уж заявление пойти подавать... Но за пару дней до этого дела, чёрт знает, откуда появился её бывший кавалер. Я не знаю, что он ей напел, но в итоге моя несостоявшаяся невеста свалила с ним, оставив мне в сети письмо, где просила меня простить её за это. Однако я не простил. Скажу больше, я после этого предательства ненавижу всё женское племя вообще, и прошло немало времени, пока я восстановился, и стал вновь к женщинами относиться с любовью. И первой такой женщиной стала Лариса! Я хотел (и хочу до сих пор!) любить её, ласкать, баловать, заботиться о ней, жить для неё... Только бы бог позволил мне это!

Прошло два дня со дня моего знакомства с Ларисой. Я не звонил ей. Во-первых, у меня дел было по горло; а, во-вторых, просто не было повода. И всё же я часто вспоминал её большие глаза, тёплую улыбку, подтянутую фигуру... Рисуя её, я хочу целоваться с ней, трогать её плечи, руки, грудь, колени... И не меньше хочу её объятий и поцелуев.

Интересно знать, есть ли у неё муж? Но, если бы был, то Лариса вряд ли бы дала мне номер телефона... Но, с другой стороны, если муж он только по паспорту, а по жизни он хуже соседа?.. Что ж, тогда вполне понятно желание женщины найти себе любви на стороне. Нет, я не трушу; более того, я даже нисколько не побрезгую быть любовником Ларисы, если всё именно так, как я думаю. А если наоборот?..

Бывает же так, что у бабы и муж – золото, а она с жиру бесится, по любовникам гуляет налево и направо. И именно этого я и опасюсь. Не знаю, кто как, а я не хочу попасть в грязную историю и стать в ней крайним. Я бы хотел, чтобы у нас было всё по-честному. Надо позвонить Ларисе, пригласить её куда-нибудь, хоть погулять, а там попробовать её разговорить. Правда не факт, что Лариса будет со мной откровенничать... Но чем чёрт не шутит?..

3

На ловца и зверь бежит. Вчера залез в социалку и увидел там заявку в друзья от Ларисы и её письмо. Последнее я читал, почти не дыша, будто бы стараясь расслышать её тихий голос. Вот это письмо:

«Антоша, милый мой друг, привет! Вот не думала тебя найти здесь. Как ты? Как твои дела? Что ж ты мне не звонил?..

У меня всё хорошо; правда, вчера работы было много – подустала. Я не говорила, что работаю психологом? Клиент бывает разный – с кем-то без труда и разговоришься, и найдёшь решение его проблемы; а с кем-то приходится повозиться, как вчера, подобрать пароль к его душе... Быть, если хочешь, хакером его души. Итог – я пришла, как выжатый лимон. У меня есть идея: может, в кино сходим в пятницу? Жду твоего ответа с нетерпением. Пока».

Ответ мой не заставил себя ждать. Я согласился и на кино, и предложил ей после погулять, но попросил это всё устроить не в пятницу, а в субботу, так как в пятницу я буду уставшим после смены. Хотя какая мне, к чёрту, разница?! Беда великая – устал! Душ принял – и порядок! Лариса тоже уста-

ёт!.. И всё она меня хочет увидеть, а я выламываюсь. Что ж, суббота – так суббота! Да и Лариса мне написала, что не против.

4

«Наконец уже суббота!» – пелось в одной легкомысленной песне. День был тёплым и ясным, как улыбка матери! Не день – а подарок!.. Оттого и настроение моё было соответствующим. Надо сказать, что я ждал этой субботы, как жених и невеста ждут дня свадьбы! Уже с раннего утра я стал наводить марафет – побрился, костюм отутюжил... Честное слово, как в ЗАГс собирался!.. Господи! Мне 35 лет, а у меня в башке чёрти что, всякая романтическая ерунда!.. И с чего я взял, что между мной и Ларисой будет хоть намёк на любовь? Может, она избегает этого «счастья». Но почему бы это не проверить? Каким образом? Пока ещё не знаю. Но, в конце концов, если Лариса избегает любви, то я это переживу и мы будем друзьями; а если всё наоборот и Лариса не против любви?.. Рискну!.. Иначе плох тот мужчина, который не попытался покорить сердце женщины. Надо ещё цветы купить.

К вечеру я был уже на месте встречи. Правда, я пришёл чуть пораньше: пока билеты взял, пока то и сё... И вот я вижу её! Даже с чем сравнить это появление Ларисы. Да и надо ли? Скажу лишь, что я ей был рад, как юнец! На Ларисе было закрытое кремовое платье, подчёркивающее красоту её фигуры. На ногах были туфли на шпильках, а в руках Лариса держала клатч – всё это так же было в тон к платью. На шее Ларисы были маленькие чёрные бусы, а в ушах висе-

ли серёжки в тон бусам.

– Привет! – сказала Лариса, подойдя ко мне.

– Привет! – сказал я, протягивая ей свой букет. – Это тебе!

– Какая прелесть! – воскликнула Лариса. – Спасибо. Я обожаю цветы!

Её глаза смотрели на букет взглядом девочки, которой на новый год подарили хрустальные туфельки Золушки. Признаться, я этому взгляду был рад больше, чем тому, что я сделал.

– Ну, что, пойдём! – сказал я.

– А я билет не взяла, – сказала Лариса.

– Я обо всём позаботился, – сказал я Ларисе, улыбаясь. – Пойдём!

Мы пошли. По лицу Ларисы было видно, что ей слегка неловко идти в кино не за свой счёт. Но, с другой стороны, чёрт возьми, полюбил женщину – изволь для неё что-то сделать! Купи для начала ей билет в кино.

Мелодрама, которую мы смотрели, была не очень инте-

ресной. И потому, не дождавшись финала, я и Лариса вышли из кино. Вечер был солнечным, точно день и не хотел кончаться. Мы не спеша шли и говорили о том и о сём... И нам было легко, словно мы сто лет знакомы.

– А ты женат? – спросила Лариса. Это облегчило мне задачу – узнать о её семейном положении.

– Не поверишь, – говорю я, – даже не был ни разу женат.

– А что ж так? – спросила Лариса..

– Не могу найти ту, которая бы меня вкусно накормила, – отшутился я и Лариса засмеялась.

– Bravo! – сказала она. – Люблю людей с чувством юмора.

– Это у меня от мамы, – сказал я. – Она весёлый человек была.

– Была? – удивилась Лариса. – А где ж она теперь?

– Там же, где и твоя, – с грустью ответил я.

– Прости, – тихо сказала Лариса.

– Ничего, – ответил я. – А ты замужем?

– Была, – легко ответила Лариса, – но недавно развелась.

– Почему? – спросил осторожно я.

– Мы решили, что дали друг другу всё, что могли. А жить, что называется, «для приличия» мы не видели смысла. Слава Богу, мы и развелись по-хорошему, и общаемся теперь подругески. Никогда не забуду, как мы после всех разводных дел, бросив у дома машину, пошли в ресторан, где и отметили это дело даже ещё радостнее, чем свадьбу. Помню, и я, и муж пожелали друг другу счастья в новой жизни.

Слушая Ларису, я едва верил ушам, так как все мои друзья и подруги разводились тяжело, и о каком ресторане пойдёт речь! Неужели есть люди, умеющие непросто расстаться по-людски, а ещё превратить это обычно печальное событие в праздник? – подумал я.

– Сын сначала это переживал болезненно, – продолжала Лариса, – а когда увидел, что отец о нём не забыл, что он звонил ему, приходил, забирал на выходные, – успокоился.

– Любил отца? – спросил я.

– Обожал! – сказала Лариса.

Помолчали немного.

– Лариса, – обратился я решительно. – А можно я тебя поцелую? Очень хочется!

Что на меня нашло – чёрт его знает, но Лариса кивнула головой и мы поцеловались.

– Ещё хочешь? – спросила Лариса.

– Да, – сказал я.

– Тогда пойдём ко мне! – сказала Лариса. – Здесь не очень далеко.

Мы поймали машину и поехали.

5

Было солнечное утро, когда я проснулся в спальне Ларисы. Я бы сказал, что это были королевские покои, нежели спальня скромной женщины. Почему? Да потому что выглядела она, по моим меркам, весьма роскошно. Начну с того, что стены были оклеены голубыми обоями с разнообразными золотыми узорами; кроме того в комнате стояла шикарная тёмная мебель – комод, трюмо, шифоньер и огромная кровать. Что ж, если бывший Ларисы хорошо зарабатывал – почему бы не позволить?.. Мы с Ларисой провели неопишимо-страстную ночь! Ещё ни с одной женщиной я так горячо не занимался любовью; ещё никого я не целовал так жарко, как Ларису; ещё никто из женщин не ласкала меня с такой нежностью, с какой это делала Лариса. Мы оба этого хотели – и были свободны этой ночью!

Я лежал ещё в постели, когда Лариса вошла и внесла поднос с завтраком. На подносе были по порции овсяной каши, по бутерброду с маслом и чай. Завтрак был не плох. Хотя скажу честно: я овсянку ненавижу личной ненавистью, так как меня мать ей в своё время так закармила, что меня только от одного её названия тошнило. Однако я из вежливости всё же ел сваренную Ларисой кашу, тем более, она украсила бананами и абрикосами, так что есть это всё было не так

противно.

– Доброе утро! – сказала Лариса, входя в спальню. Поставив на постель поднос, она поцеловала меня в губы. – Выспался?

– Вполне! – сказал я. – И вообще я доволен нашей ночью. А ты не жалеешь?

– Нисколько! – сказала Лариса. – Напротив, благодаря тебе, я вспомнила, как тепло в объятиях мужчины и хорошо от его поцелуев. Ты ещё не видел, что висит у тебя над головой?

Я взглянул – а там, над кроватью, висит тот портрет, который я писал в первый раз. Он был вставлен в темно-коричневую рамку.

– Здорово! А сын не увидит? – спросил я.

– А он сюда не ходит, – сказала Лариса. – Давай, угощайся!

Мы стали завтракать.

– Спасибо, – сказал я. – Всё было вкусно.

– Ты знаешь, я почему-то так и подумала, видя, как ты уплетал овсянку, например, – иронично сказала Лариса. – Что мы будем делать весь этот день?

Я подумал.

– Сейчас мы поедem на пляж, – начал я, – там поваляем-ся, покупаем-ся; к обеду поедem ко мне – ты увидишь, как я живу... Там же и пообедаем, и отдохнём; а вечером пойдём в парк или на танцы, что в той же стороне.

– План хорош, – начала Лариса, – но один пункт мы исключим: обед у тебя.

– Почему? – спроси я.

– К обеду мне надо бы быть дома: вдруг Кирюшка раньше придёт – покормить его надо. – Кирюшка – это сын Ларисы. – А вечером я вся твоя!

– Хорошо, – сказал я, – ответный визит отложим на будущую субботу!

– Согласна! – сказала Лариса и поцеловала меня.

На том порешив, мы стали собираться на пляж. Надо бы

сказать, что ко мне мы всё же заехали, так как я был в костюме и без полотенца. Я предложил Ларе зайти, но она предпочла погулять. Переодевшись и взяв полотенце, я вскоре вернулся, и мы тронулись дальше.

Народу на пляже хватало, но мы сумели найти себе место и устроиться. Сделав разминку, я и Лара пошли в воду. Я лёг на спину и, полежав так с полминуты, стал грести руками. И в этот раз я плыл более уверенно, чем в первый, хотя ещё побаивался. Поплавав, мы вышли из воды.

– Устал? – спросила Лариса.

– Немного, – ответил я.

– Ну, тогда ты отдохни, а я искупнусь, – сказала Лариса. – А после ещё подход сделаем.

– Добро! – сказал я и Лариса пошла в воду.

Пока Лариса купалась, я, полулёжа на полотенце, наблюдал за отдыхающими. Сам не знаю, почему я обратил внимание на парня лет 20-ти, с длинными и тёмными волосами. В поведении юноши вроде не было чего-то из ряда вон выходящего – человек спокойно себе отдыхает, делает фото для своей коллекции... Но вдруг он видит Ларису. И присматривается к ней, будто увидел кого-то знакомого. Лицо его по-

меняло выражение, мол, «Какие люди!», парень снял Ларису и стал скоренько собираться. Я хотел подойти к нему и спокойно попросить удалить снимок с Ларисой (почему-то почувал неладное), но меня отвлёк мужик, спрашивая время и прося закурить. Я, найдя часы, сказал время, а на просьбу дать закурить ответил, что не курю. Поворачиваюсь назад – парня и духу нет. «Чтоб тебе курить навсегда расхотелось!» – с досадой думал я про того мужика. Признаться, я сам едва понимаю, как парень так скоро свалил. И даже глазами я его найти не смог. Вернулась Лариса и я ей всё рассказал.

– Ты считаешь, что он какой-нибудь папарацци? – смеясь, спросила Лариса.

– А кто его знает! – сказал я. – Знаешь, всё бы ничего, но что он так на тебя глянул, снял затем резко сдёрнулся... Ой, Лара, как бы ты не вляпалась в грязную историю.

– Брось! – отмахнулась Лариса. – Кому я нужна? Я – простой психолог... – Однако после короткой паузы Лариса добавила: – Однако за предупреждение спасибо. Поживём – увидим!

Навалявшись всласть, мы пошли в воду на ещё один заход.

– Ты просто молодчина! – сказала Лариса, когда мы вы-

шли на берег. – У тебя всё было классно!

– Спасибо, – сказал я смущённо. – Я рад, что наши старания не зря!

–В другой раз попробуем на животе плавать! – сказала Лариса.

– Хорошо! – сказал я и мы стали собираться.

К обеду мы прибыли в город и расстались. К вечеру у меня заболел живот и я перенёс танцы на следующий раз.

6

Однажды вечером Лариса пришла с синяком под глазом. Я обалдел, увидев это.

– Ничего себе! Это какой поганец с тобой такое сотворил? – спросил я Ларису.

– Да был один хам молодой, – ответила она. – Хотел пролезть без очереди в магазине. Ну, я ему замечание, а он мне в глаз, сволочь такая...

– Больно? – спросил я Ларису и, не дождавшись ответа, решил пойти за льдом.

– Да дался тебе этот мой синяк! – сказала Лариса. – Чёрт с ним! Лучше поцелуй меня!

Не думая долго, я тихонько поцеловал сперва в подбитый глаз (жалко ведь!), а после в губы.

– А в глаз зачем? – спросила Лариса.

– Чтобы не так больно было, – ответил я с улыбкой.

– Спасибо, мне уже лучше, – также с улыбкой сказала Лариса. – Поцелуй меня ещё раз!

А мне разве жалко! Целуя Ларису, я уже беззастенчиво стал гладить её по груди, спрятанной пока под цветастой блузкой.

– О, какие у нас далеко идущие планы! – заметила Лариса, отняв свои губы от моих.

– Я просто по тебе соскучился, – сказал я.

– Я по тебе тоже, – ответила она.

Уйдя в спальню, мы, наверно, в три секунды отделались от одежды и, упав на кровать, занялись любовью с такой страстью, нежностью и желанием друг друга, как будто бы до этого у нас было года три разлуки.

– Ты мой лучший любовник! – сказала Лариса, придя в себя. – Если я в старости что-то вспоминать, как самое светлое и лучшее, – так это наш с тобой роман; даже если он будет коротким.

На мой же, по-моему, наивный вопрос, что она имеет в виду? Лариса легко ответила:

– Ну, всякое бывает: вдруг ты от меня устанешь, захочешь другой женщине... И, поверь мне, я не буду обижаться. Только об одном прошу: скажи всё сам, пожалуйста, в этом случае! Я просто очень болезненно переживаю предательство.

– Ах, вон ты о чём! – понял я. – Ларочка! Я постараюсь сделать всё, чтобы и я от тебя не устал, и тебе со мной было хорошо как можно дольше. И вообще, давай не будем о грустном, тем более, о старости! Ведь ты у меня такая красивая.

– Правда? – спросила Лариса.

– Да, – сказал я и вновь поцеловал её в губы. – И я бы хотел нарисовать ещё не одну картину с тобой.

– Я буду рада тебе в этом помочь! – сказала Лариса. – Только ты меня для начала покормишь.

– С огромной радостью! – ответил я с улыбкой, поняв

шутливый тон её последней фразы. – Признаться, я и сам проголодался. Пошёл разогреть ужин. Если хочешь – ты можешь не одеваться, я здесь один живу и никого не жду.

– А если кто случайно пожалует? – спросила Лариса. – Нет, лучше всё-таки приодеться.

Мне ничего не оставалось, как последовать примеру моей подруги, хотя обычно спокойно хожу дома без ничего.

Тем временем, пока я готовил всё к трапезе, зазвонил мобильник Ларисы.

– Алло! – сказала она, взяв трубку. – Я у подруги. Это не твоё дело, у какой я подруги, и я у неё пробуду столько, сколько захочу, понял? И вообще, я не должна отчитываться сопляку, который порвал мой портрет, написал обо мне бог знает, каких гадостей на странице, нахамил мне, своей матери, и ударил меня. Ничего, денёк-два побудешь один! Может, тогда, змеёныш, поймёшь, как к матери следует относиться! Холодильник полон – с голоду не помрёшь! Всё, пока.

Разговор был кончен. Понимаю, что подслушивать некрасиво, но нечаянно узнанная история и, главное, судьба моей работы, побудила меня предложить Ларисе нарисовать тот портрет снова.

– Лучше сбрось мне его фото мне на почту! – ответила она. – Так будет надёжнее. Помнишь, ты говорил про шпиона, который за нами следил? – я ответил утвердительно. – Это был мой негодяй. Что он там делал – не знаю, но дома,

зайдя в Фейсбук и увидев там пост своего сыночка, я узнала о себе много нового. И самое «яркое» среди всего было то, что я – шлюха бесстыжая, корова с вялым выменем и дряблой задницей. Естественно, я потребовала от сына ответа, на что он мне ещё больше стал хамить... Я, правда, тоже ему сказала, мол, выбирай слова, когда с матерью говоришь, да и вообще, у тебя свои увлечения, у меня свои, и я, слава богу, заслужила право жить так, как хочу, и не тебе, щенку сопливому, меня обсуждать в сети!

Вспыхнула ссора, в результате которой я получила в глаз, а твоя картина была порвана и выброшена в мусор. – тут Лариса на миг всплакнула, вспомнив эту утрату. Я подошёл, нежно погладил её по спине, и она тут же успокоилась. – Я у тебя побуду день-два?

– Да хоть неделю! – ответил я. – Благо, я один живу.

– Поглядим, – с улыбкой ответила Лариса. – Только схожу в машину за рюкзаком с вещами.

Наконец мы приступили к ужину, и тогда наш разговор перешёл уже в другое русло.

Мы Ларисой жили в любви и счастье! Конечно, были и работа, и другие мелочи (куда они денутся!)... Но вечера были наши!

Почему-то, говоря о вечерах, мне первое, что приходит на память, – это ужины, которые готовила Лариса. Не то, чтобы я не мог приготовить для своей возлюбленной ужина, но бывало так, что Лариса и самая хотела что-нибудь сготовить. А готовить она умела здорово! Элементарно, она могла простую картошку пожарить так вкусно, что ты её будешь уписывать за обе щеки не хуже всяких паэльев. А какой вкусный она борщ однажды сварила! За ужином мы вели тихий и неспешный разговор о разных интересных вещах, а потом, под спокойную инструментальную музыку, мы или танцевали, или я рисовал Ларису в самых разных образах – от весёлой кокетки до строгой дамы или мечтающей женщины.

Надо ли говорить, что нам было хорошо с Ларисой в эти моменты? Особенно, когда мы занимались любовью. Да простят меня мои читатели, но для меня сладостнее всего в этот момент было целовать мою «Афродиту». Я целовал её с головы до ног, горячо, страстно, я бы даже сказал, щедро, словно осыпая мою возлюбленную драгоценными камнями или чем-нибудь лучше этого. Особое наслаждение мне почему-то доставляло, когда я целовал Ларисе её загорелую поп-

ку. Помню, как я, добравшись до этого места её тела, целовал его почему-то особенно долго и нежно. Я не могу этого как-то объяснить. Просто нравилось – и всё! И мне порой очень грустно, что этой части тела отведены самые не завидные назначения: или сидеть, или получать ремня, или искать на себя приключения. Любая часть тела человека должна быть достойна того, чтобы её любили и целовали! Тем более, если это тело ребёнка или любимой женщины... Однако, что-то я распалился.

Впрочем, нам с Ларисой и без секса было хорошо. Скажем, я читал ей стихи любимых мной Есенина, Бунина и Рубцова, а она читала мне Блока или пела романсы (да как пела!). Бывало, мы могли посмотреть какую-нибудь мелодраму, а в выходные ходили на пляж и на танцы. Плохо ли?!

Конечно, не забывала Лариса и о сыне: нет, с ним она по известным причинам не разговаривала, но через сестру, жившую неподалеку от их дома, узнавала всё о его жизни. Парень жил нормально, ни болел, ни голодал, немного учился, иногда приходил к ним с мужем, а чаще гостил у отца и его новой жены, тусил с приятелями, водился с девчонками... словом, он жил вполне активной и насыщенной жизнью молодого человека. Но самым горьким было для неё узнать, что он по матери даже не скучает и не вспоминает о ней. Видели бы вы, как она плакала... Ведь она его всё-таки любила, поганца такого, и скучала по нему.

Почему-то вспомнился наш Ларисой разговор о наших с

ней родителях. Случилось это почему-то на пляже. Помню, я о своих родителях рассказывал с дикой неохотой и стыдом. Да и что рассказывать: отец, едва мне исполнилось десять лет, к новой жене свалил, и думать обо мне забыл: ни в гости меня не звал, ни ко мне не приходил; мать вскоре после ухода отца стала пить, на меня и вовсе плюнула... Ну, и дело кончилось сперва тем, что меня у неё забрали и поместили в детдом, а через несколько лет она умерла от цирроза печени. И как вам мои родители?

Зато родители Ларисы мне на зависть: настоящие интеллигенты! Мать была библиотекарем, отец журналистом. Но, главное, как говорила Лариса, она никогда не видела родителей ни пьяными, ни орущими друг на друга, даже если имел место конфликт. Всё решалось спокойно. И мать, и отец, по словам Ларисы, были людьми с юмором, много читали, отец ко всему этому был фанатом всяких подвижных игр. Так что Лариса переняла у обоих и любовь к книгам, и любовь к подвижному образу жизни. А ещё Лариса сказала, что родители её часто баловали: то купят ей что-нибудь, то сводят в кино... Однако всякое баловство должно быть заслужено хорошими отметками, примерным поведением, прибранной квартирой и помытой посудой. Словом, на халяву ничего не делалось.

8

Вот и кончилась неделя нашего с Ларисой блаженства. Мне было так грустно, что даже завтрак не лез в рот. Хотя Лариса его готовила с любовью.

– Ты что не ешь? – спросила Лариса. – Смотри, какие сырники вышли аппетитные!

– Да что-то не хочу, – угрюмо ответил я.

– Да что с тобой? – спросила Лариса.

– Ты бы могла ещё остаться? – спросил я.

– Я бы и рада, – начала Лариса, – но у меня сын. Хоть и негодяй он после того, что он сделал, но я его люблю.

– А он тебя любит?! – взбесился вдруг я. – Он тебе с того дня, когда ты ко мне пришла, хоть раз позвонил, спросил, как ты, или умолял тебя вернуться, прося прощение? Нет! Напротив, это ты о нём справлялась у сестры, это тебе до него было дело, а ему до тебя – нет! И ты его сыном называешь?! Да ты помрёшь – он о тебе едва ли вспомнит, а куда там заплачет!

– Антоша, опомнись! Что ты говоришь?! – почти крича, сказала Лариса. И я опомнился.

– Прости, любимая! – спокойно говорю я, обняв Ларису. – Конечно, ты права: сын – есть сын, какой бы он ни был. Прости, пожалуйста!

– Не грусти! – сказала с улыбкой Лариса. – Я вечером по-

звоню тебе! А в выходные я снова вся твоя! Вся, вся, вся!!!

Говоря последние слова, Лариса оставила на моих губах три коротких, но нежных поцелуя, и мне быстро полегчало. Выйдя из подъезда, мы поцеловались ещё на прощание, и разъехались по работам.

День прошёл в обычном рабочем режиме. Отработав смену в автосервисе, я хотел немного покататься по городу, заодно подкупить хлеба, сыру, молочки... Я просто хотел отсрочить возвращение в пустую квартиру, где больше нет любимой мной женщины, с которой я смеялся, грустил и целовался. Я всё могу понять, даже то, что у Ларисы сын, которого она любит, и который её любви не стоит; но я уже нажился один, без любви.

Лариса позвонила мне, когда я был уже дома и готовил себе пельмени. К слову сказать, она тоже скучала тогда одна, так как с сыном у неё разговора не вышло, и он ушёл ночевать к отцу. Мы немного поговорили о разных мелочах, посмеялись, и нам стало легче на душе (по крайней мере, не так одиноко было!).

– Ну, ладно, Антоша, не буду отвлекать тебя от ужина! – сказала Лариса. – Сейчас тоже что-нибудь себе в рот положу, потом вымоюсь, а затем лягу спать.

– Спокойной ночи, моя хорошая! – сказал я, прощаясь.

Пужинав и помыв посуду, я попытался посмотреть телевизор; но, не найдя ничего интересного, выключил его, и решил тоже принять душ и лечь спать.

9

Утро вошло в мою спальню с тёплой улыбкой солнца, пробуждая меня, точно добрая мать или нежная подруга. Я так-то не спал уже; просто нежился гольшом в кровати, мечтая, бог знает, о чём. У меня иногда так бывает, особенно, когда надо на работу: хочется просто поваляться ещё минут пять и спокойно о чём-нибудь помечтать. Если хотите – можете это считать зарядкой для души. Так-то вот я и лежал, когда мне позвонила Лариса. – Доброе утро! Не разбудила?

– Нет, Лара! Я уже не спал, а так валялся. А ты зачем позвонила? Что-то случилось?

– Нет, Антоша. Я просто хотела узнать, как ты провёл ночь?

– Хорошо провёл, во сне.

– И что тебе снилось?

– Мне снилось, что мы с тобой лежим под солнцем где-то на необитаемом острове, и я тебя долго и горячо целую.

– Понимаю тебя, мой хороший! Сама по тебе скучаю. Вот что: заедь за мной на работу в семь часов, и мы вместе поедим ко мне домой.

– Договорились! До вечера.

– До вечера, Антоша.

Повесив трубку, я вылез из постели и в довольно приподнятом настроении стал завтракать да собираться на работу.

День мой не прошёл, а пролетел в работе и ожидании вечера встречи с Ларисой! Нет, не думайте, что в любви я вовсе забыл свои обязанности или исполнял их плохо; слава богу, любовь на мои рабочие качества влияла только благотворно. И всё же я очень ждал вечера, ждал встречи с Ларисой, будто мы не видались не два дня, а два века. Я уже в мыслях обнимал и целовал её, как и куда хотел!

Я пару раз уже забирал Ларису с работы, когда мы жили вместе: она работает психологом в психоцентре «Новый путь». Работает уже давненько, о своей работе, как правило, Лариса говорила с любовью и интересом, что меня, как работающего человека и тоже любящего своё дело, не может не радовать; хотя бывали у неё клиенты (особенно клиентки!), которые, видимо, сами или просто не хотели выбираться из какой-то своей депрессии, или вообще не знают, чего хотят от жизни. И тогда работа для Ларисы была просто адovým мучением.

Едучи к Ларисе, я, как это всегда бывало, когда мы виделись, купил ей цветы. Правда, она почему-то их принимает с такой виноватой улыбкой, словно бы она их незаслуженно выпросила. Понятное дело – мужиков нет: муж ушёл к другой жене, а от сына этой роскоши не жди. Зато хамства – сколько влезет! Обидно мне за вас, мужики! Особенно за таких сыновей, которые мам своих не любят, а только лишь обижают, как дворовых собак. И в этом смысле глубоко прав наш Данилыч, который старается с каждой зарплаты и жене

букет купить, и детей побаловать. Молодец, уважаю!

Лариса уже ждала меня на улице, когда я подъехал. Припарковавшись, я тотчас же взял цветы, и вылетел из машины.

– Привет! Давно ждёшь? – спросил я, целуя её.

– Нет, минуты три, как вышла, – ответила она, переключаясь на цветы. – Это мне?

– А кому ещё? Конечно, тебе! – говорю я, смеясь.

– Ну, зачем? – спросила она с виноватой улыбкой.

– Да хотя бы затем, что я тебя люблю, и хочу просто хочу сделать тебе маленькую радость, – говорю я.

– Спасибо, – сказала Лариса, поцеловав меня. – И я тебя люблю.

– Ну и, слава богу! – отвечаю я. – поехали?

– Поехали! – сказала Лариса, и, сев в машину, мы поехали к ней, не подозревая, что нас там ждёт.

Едва Лариса отперла дверь и мы вошли в не большѐй коридорчик, как к нам вышел её сын. В нём я узнал того длинноволосого брюнета с пляжа, которого тогда упустил. Ничего ещё не ожидая, я поздоровался с парнем, однако, не ответив мне на приветствие, он вдруг накинулся на мать с хамством:

– Ты ещё и любовника в дом привела, бесстыжая! – эти слова меня просто покоробили; однако я решил взять первым инициативу и поддержать Ларису:

– А у меня что, на лбу написано, что я любовник твоей матери? – спросил я, хотя и жѐстко максимально сдержанно. – Да и вообще ты бы повежливее с мамой был!

– Ты не поверишь, Антоша, но это и есть вежливый разговор сына с мамой – так что не удивляйся! – едко сказала Лариса, после чего обратилась к сыну: – А тебе, мой милый, я скажу: это мой гость, я привела его к себе и тебя не касается, какие отношения между нами. А если тебя что-то не устраивает – у тебя есть своя комната, либо ты можешь пойти к отцу!

– Да ты себя в зеркало видела? – спросил Ларису хамоватый юнец. – Тоже мне, королева Марго предпенсионного возраста! И на что он у тебя клюнул?

– А я скажу тебе! – отозвался я, и тотчас въехал хаму в нос кулаком с такой дури, что он вlepился башкой в стену,

после чего обмяк. – А теперь имей в виду: упаси тебя бог когда-нибудь оскорбить мою любимую женщину; я тебя уделаю так, что тебе надолго мало не покажется! Понял? Не слышу!

– Да понял я! – ответил слезливо юнец.

– Вот так! – говорю я, после чего обращаюсь к Ларисе: – Лара, собери свои вещи, и поехали ко мне! Причём навсегда!

– А ты, пожалуйста, прав! – сказала она, глядя на сына. – Довольно я натерпелась здесь хамства!

Она пошла собираться, я же тем временем помог юнцу дойти до кухни, чтобы приложить ему холод к носу. Спросите – зачем? Да просто жаль его, дурака, стало. На кухне мы оба сидели молча, пока не пришла Лариса и не сказала, что она готова. Никогда не забуду один момент: Лариса подошла к сыну, чтобы спросить, как он? А тот, нет бы сказать, мол, мамочка, прости меня, пожалуйста, и не уходи (чему бы я порадовался!), ударил её по щеке, обозвал шлюхой и велел убираться вон. Я хотел тогда просто размазать негодя за это, но Лариса умолила меня не трогать его. Мы ушли. С тех пор они больше не виделись. Вернее, сын не хотел ни видеть мать, ни общаться с ней, ничего. Очень грустно об этом писать...

Однако я с охотой сообщил бы вам другую, радостную весть (да не одну!): в том же году мы с Ларисой решили пожениться! И поженились в конце октября. Свадьба была хотя и скромной по количеству гостей (самые близкие друзья и подруги!), но от этого не менее весёлой: песни, пляски, шут-

ки, прибаутки, розыгрыши... сами знаете, кто или женились, или видели свадьбы своих родных и друзей. До сих пор помню, как я жевал пельмень с вложенным туда перчиком чили. Во рту горело так, что любой бы Горыныч отдохнул. Сильно почему-то хотелось найти того шутника, поджарить его своим дыханием и сожрать на закуску. Жаль, что на свадьбе не было сына Ларисы, хотя она, желая помириться с ним, приглашала его. Увы, он не пришёл... Что ж, его воля. А вторая новость в том, что Лариса ждёт ребенка! Господи, прошу тебя и за себя, и за Ларису: дай только нам с ней это счастье, и помоги воспитать этого человечка добрым и светлым на радость его родителям и другим людям!..

2014-2020гг.